

«Вечерняя Москва», 1962, 18 окт.

Театр

«ЖИВОЙ ТРУП»

ЖИВОЙ ТРУП написан в 1900 году. В последний период своей жизни Л. Толстой особенно остро, даже болезненно воспринимал все внутренние конфликты, переживаемые русским народом.

С огромной силой — эмоциональной, морально-нравственной, социальной — раскрылась драма народа в его драматургических произведениях — «Власть тьмы», «Плоды просвещения», «Живой trup». Последняя пьеса, как и судьба героя Федора Протасова, заключает в себе столько сложных, емких и многообразных коллизий, что позволяет режиссеру и актеру, играющему эту роль, сосредоточить свое внимание на разных акцентах поставленной темы и оттенить любые из них.

В спектакле Театра имени Евг. Вахтангова, в режиссерском замысле Р. Симонова, в исполнении роли Федора Н. Гриценко я увидел, вернее почувствовал тематическое многообразие. Их интересовали такие проблемы, как человек и среда, человек и законы, направленные на усмирение, точнее угнетение его, свободного духа, человека и радость любви, ощущение свободы, его борьба со злом во имя человечности, естественности. Все эти аспекты драмы интересовали театр. Но главное, что было подчеркнуто в спектакле, как естественные, неприкосновенные, всегда святые чувства, — это любовь и свобода, свобода от обязанности лгать, притворяться, делать гадости. В режиссерском замысле спектакля на одном его «полюсе» как бы находилась свобода, на другом — мертвящий, догматический «ритуал» жизни, правопорядок, насилие.

В сцене у цыган, где впервые мы встречаем Федора Протасова, Н. Гриценко, только чуточку приоткрывает бушующую в сердце героя драму. Он весь еще скован сдержанностью, благовоспитанно-

стью, застенчивостью, присущими его характеру. Но тут же, несколько не разрушая этого первого впечатления, Протасов с восторгом, самозабвением, радостью отдается какой-то нирване, навешенной летящей из глубины веков цыганской песней и все растущей любовью к простой цыганке Маше.

Может быть, Протасов — Гриценко сначала и не понимает всей трудности, безнадежности своей любви. Счастливо любить и быть любимым мешают многие причины: законы среды, законы, писанные и неписанные, законы империи и чистогана, корысть и невежество цыганского табора. Словом, весь строй жизни, вся внешняя догматическая мораль, препятствующая счастью Феди.

Н. Гриценко с каждой новой сценой все больше раскрывает зрителям внутренний мир героя, полный неясностей и противоречий.

Тонко и необычно решил образ Каренина Ю. Яковлев. Виктора Каренина обычно играли при всем его внешнем, подчеркнутым аристократизме таким сухарем, догматически мыслящим приверженцем узкой кастовой морали и неподвижных семейных воззрений. За всем этим чувствуются беспредельный эгоизм, мешанное флистерство и лицемерие. Ю. Яковлев и режиссер ничего не меняют в словесном материале роли, и вместе с тем мы видим как будто нового, неожиданного для нас Каренина, который не лжет перед своей совестью, не лицемерит. Просто Каренин Яковлев искренне верит в свои догмы, в то, что брак, не освященный церковью, — это что-то греховное, непримечательное, что и самый развод — поступок тоже непорочный, нечистый. И тем не менее при всей искренности такого Каренина — такова догма образа — он остается упрямым носителем догматической нравственности.

Протасов — Гриценко, ко-

нечно, не герой, он просто не способен на активную борьбу против всего, что мешает ему жить. Он ищет забвения и не находит. И все-таки его святому чувству любви к Маше веришь до конца. Это чувство любви проходит через весь спектакль. Оно постоянно слышится в возникающих ассоциациях цыганской песни и образа Маши.

И хотя на наших глазах, как-то очень зримо и наглядно происходит все большее падение Феди — Гриценко, образ Маши не уходит из его затуманенного сознания. Он действительно сверкает, как брильянт, как луч солнца, в душе Протасова.

И, может быть, это и позволяет Феде — Гриценко произнести с такой искренней, взрывчатой силой свой монолог о счастье и пакостях мучителей хороших людей. В этом монологе все звучит, как яростный протест, как бунт, как призыв к действию. И выстрел Протасова — тоже протест, только бессильный, трагический.

Искренней, мужественной, во многом детски наивной, с сердцем чистым и добрым, предстает перед нами Маша в талантливом исполнении молодой актрисы Л. Макаковой.

Поразила нас игра и другой молодой актрисы — Е. Добронравовой, создавшей образ Саши, сестры Лизы. По тексту роль Саши совсем крохотная. А в исполнении Добронравовой она приобретает заметное место в сложной борьбе добра и зла, в той духовной борьбе, которая все время сотрясает сознание и душу Феди Протасова. Играла эту роль Добронравова трепетно, с полной самоотдачей всех своих чувств, большого темперамента и подлинного таланта.

В спектакле, где больших, средних и совсем незначительных ролей более четырех десятков, много актерских удач. Они достигнуты в таких эпизодических ролях, как художник Петушков (арт. М. Дядько), адвокат Петрушин

(арт. В. Кольцов), курьер в суде (арт. Г. Мерлинский), и в более значительных, как Лиза (арт. Л. Целиковская, с большим драматизмом сыгравшая сцену у судебного следователя), Абрезков (арт. И. Толчанов), Анна Павловна (арт. Е. Алексеева).

В режиссерском замысле Р. Симонова ясно различимо стремление к обострению всех внутренних конфликтов. Пластически это достигается некоторой подчеркнуто, чуть заметной ретушью в раскрытии таких образов, как Анна Павловна (мать Лизы), Анна Дмитриевна Каренина, вся группа приятелей Феди, судебный следователь, а также в усилении драматизма образа Саши, в некотором переосмыслении образа Виктора Каренина. Все это, так же как и обильное использование песенного элемента в спектакле (С. Сорокин), отлично подчеркивало развивающееся, разрастающееся драматическое действие, несущее в себе сложные противоречия, конфликты эпохи конца империи. В осуществлении этого сложного замысла театр одержал значительную победу.

В. ЗАЛЕССКИЙ.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля. Маша — артистка Л. МАКАКОВА и Федор Протасов — народный артист РСФСР Н. ГРИЦЕНКО. Фото Г. КОРАВЕЛЬНИКОВА.